

Демократия в России: самокритика и перспективы

Летом 1994 года за «круглым столом»¹ собрались ученые и известные политические деятели. Они обсуждали перспективы демократического развития России. Импульсом к дискуссии послужили статьи участников «круглого стола» доктора философских наук, члена редколлегии журнала «Общественные науки и современность» Г. Водолазова и кандидата филологических наук, публициста Ю. Буртина, опубликованные в «Известиях» (1 июня 1994) и «Независимой газете» (2 июня 1994). В них была изложена концепция относительно нового строя, сложившегося в России.

Далее приводятся выступления Григория Водолазова; Юрия Буртина; доктора исторических наук, ректора Российского гуманитарного университета Юрия Афанасьева; депутатов Государственной Думы: кандидата философских наук, руководителя исследовательского центра «Стратегия» Геннадия Бурбулиса, кандидата экономических наук, руководителя «Эпицентра» Григория Явлинского, Льва Пономарева, а также Елены Боннэр и председателя фракции «Выбор России» Государственной Думы доктора экономических наук Егора Гайдара.

Г. Водолазов. Какое содержание я вкладываю в понятие «номенклатурная демократия»?

Это политический режим, отличающийся как от номенклатурного тоталитаризма и авторитаризма (существовавших в сталинско-брежневский период), так и от подлинной, настоящей общегражданской демократии, за которую выступало демократическое движение с первых лет перестройки.

Как хорошо известно еще со времен Аристотеля, демократия — это правление многих (большинства в пределе всех). То, что мы имеем сегодня в России, — это правление немногих (олигархия, как сказал бы античный классик). И с этим уже мало кто спорит. Элитарный характер нынешних политических партий, механизм выборов, созданный специально для движения вверх элиты, узкогрупповые интересы, доминирующие в деятельности парламента и государственно-чиновничьих структур, стали сегодня настолько очевидными, что даже российский президент вынужден был отметить как несомненный факт, что все более усугубляется отчуждение власти от народа. В этом и состоит главное отличие сложившегося в России режима от действительной демократии.

Теперь сопоставим его с режимом сталинско-брежневских времен. Общее у них то, что и тот и другой — форма правления немногих, меньшинства, элиты. Схожи в них и механизмы формирования этого элитарного, господствующего меньшинства. Элита, руководящие группы формируются не на арене открытой демократической конкуренции талантов под надзором и влиянием всех слоев

¹ Материалы «круглого стола» подготовили к печати Г. Водолазов, Х. Мельникова, А. Юрин.

гражданского общества. Мнение, позиция не играют никакой существенной роли. Все основные импульсы идут по вертикали сверху вниз. Люди назначаются на руководящие должности волей узких, закрытых верховных групп, иногда освящая подобные назначения голосованием какого-либо низового органа. Так осуществляло расстановку руководящих кадров в масштабе страны Политбюро ЦК КПСС, так обкомы партии формировали руководящие структуры районных звеньев. Так затем действовало горбачевское Политбюро, сформировав дружную руководящую команду из будущих путчистов августа 1991 года. Примерно так назначало (после августа 1991 года) представителей президента на местах, руководителей местной администрации некое новое, никем не избиравшееся «политбюро», сложившееся на самом верху. Так в закулисных маневрах и интригах происходили назначения (и увольнения) в послеавгустовском Верховном Совете под бдительным оком знаменитого «демократа» Р. Хасбулатова. Так сверху, из начальственных кабинетов шли распоряжения по формированию руководящих структур политических партий. В таком ключе проходили и выборы 12 декабря 1993 года, на которых малочисленные кабинетные партии (за небольшим исключением) забронировали себе 50% мест в парламенте и поставили под свой жесткий контроль остальные 50 процентов. На этих выборах россияне избирали не 450 своих представителей, а всего лишь 10—15 вождей (а уж те назначали в партийный список себе подчиненных). В. Жириновский абсолютно прав, когда говорит членам своей фракции: избирали не вас, а меня, я же вас назначал, я и могу вас увольнять, забирая мандат и передавая другому.

Такой метод образования руководящих структур и именуется номенклатурным, а формирующаяся таким образом элита — номенклатурой.

Вот почему, на мой взгляд, и сталинский, и брежневский, и горбачевский, и нынешний политические режимы принадлежат к одному и тому же типу — номенклатурному правлению. Но между ними (внутри общего типа) существуют и важные видовые различия. Сталинско-брежневская номенклатура одномерна, однопартийна, моноидеологична, со строжайшей регламентацией всего и вся и с жесткой (даже жестокой) внутренней дисциплиной. При этом сталинский вариант более жесткий и всеохватный, это номенклатурный тоталитаризм. Брежневщина — ослабленный, смягченный вариант тоталитаризма, это номенклатурный авторитаризм. Нынешняя элита плюралистична и многопартийна (в ней широкий спектр политических сил — от консерваторов и либералов до коммунистов и фашистов). Последнее время внутри нее шел поиск наиболее адекватной времени и интересам системы взаимоотношений частей элиты. В духе старого менталитета был испробован режим конфронтации, курс на уничтожение оппонентов. Наиболее дальновидные пришли к выводу, что такой курс губителен для всех частей элиты. Ее общие, долговременные интересы требуют цивилизованных, демократических способов взаимоотношений. Вот почему можно сказать, что сегодня осуществляется переход от номенклатурного тоталитаризма к номенклатурной демократии. Но, повторяю, это демократия цензовая, для немногих, внутри меньшинства.

Теперь об оценке этого режима. Есть немало политологов, которые, не возражая против его характеристики как элитарного режима, считают, однако, данный режим историческим прогрессом (в таком духе пишут, например, А. Фадин, А. Мигранян, И. Клямкин). Их логика примерно следующая: невозможно в одночасье, одним прыжком перескочить из тоталитаризма в демократию. Это процесс, в котором элитарная демократия — важный и необходимый шаг.

Это было бы верно, если бы нынешняя альтернатива выглядела как выбор между номенклатурным тоталитаризмом и номенклатурной демократией. Тогда бы и я вместе с Фадиным, Миграняном и Клямкиным кричал: «Да здравствует номенклатурная демократия!». Но не кричится мне так потому, что сегодня не 1956-й год, и альтернатива (после 1986 года), по моему мнению, существует иная. Для меня нынешняя номенклатурная демократия не символ победы (хотя бы частичной) над тоталитаризмом, не шаг вперед на длительном пути перехода от

тоталитаризма к подлинной демократии, а знак победы номенклатуры (старой и новой) над демократическим движением.

Я исхожу из того, что в России к восьмидесятым годам сложились все условия для установления режима правления большинства. Массовые движения, возникшие после 1985 года, митинги, демонстрации, грандиозные, толковые, великолепно организованные забастовки рабочих и служащих, яркая и смелая деятельность интеллигенции в ассоциациях, кружках, клубах, на страницах поднявшихся с колен местной и центральной печати, массовый выход на общественные авансены никому не известных прежде талантов в экономике и политике, высокий уровень образованности и культуры россиян с их традиционной нацеленностью на решение общественных проблем — все это выплеснулось на свет божий в первые же годы так называемой «перестройки». В результате под напором этого мощного прилива низовой демократии казавшийся неколебимым гранитом тоталитарный режим рухнул в одночасье и практически без единого выстрела. Все его идеологические скрепы, репрессивные решетки, политические замки и железные занавесы оказались давно проржавевшей рухлядью, рассыпавшейся при первом же соприкосновении с массовыми демократическими движениями 80-х годов. Попытка же в августе 1991 года подавить демократическое движение и повернуть реку истории в прежнее тоталитарное русло была остановлена с той же легкостью и с той же неумолимостью, с какой морской прилив смыкает построенные на пляже песочные домики.

Однако победа у демократии оказалась украденной. Но не той партгосноменклатурой, на которой держался брежневский режим, а номенклатурой нового, современного типа, сформировавшейся из наиболее дальновидных и ловких коммунистических аппаратчиков, входивших в дружную команду «архитекторов перестройки», а затем, в том числе после августа 1991-го, и из тех новых людей, которые «въехали во власть» на плечах демократического движения.

Если внимательно, не упиваясь риторикой о процессе исторических реформ, который «пошел», рассмотреть конкретные политические шаги рулевых перестройки, то увидим просто поразительную вещь: едва ли не каждый шаг верхних реформаторов был направлен не столько на расширение возможностей гражданского демократического движения, сколько на сужение и уменьшение мощности развивающейся демократии. Короче говоря, перестроечная номенклатура использовала демократическое движение лишь как средство в борьбе со своими доперестроечными конкурентами и лишь в той мере, в какой оно этому служило. Все попытки самостоятельных действий низовых демократических сил и структур встречали жесткое сопротивление перестроечной элиты.

И, как это не удивительно, примерно тот же тип взаимоотношений между верхами и низами установился в послевгустовский период. В итоге к 1994 году мы получили то, что сам президент назвал новым типом отчуждения людей от власти: новый политический режим — номенклатурную демократию. Как я пытался показать, она — средство борьбы не столько с тоталитаризмом, сколько с общегражданской, низовой демократией. А потому я отказываюсь видеть в ней исторически прогрессивный шаг.

Новый режим практически сложился, осталось дорисовать лишь кое-какие детали. Я полагаю, что на основе противоречий и возможностей этого строя будет формироваться демократическое движение новой волны. Совершенно ясно, что широкие слои населения с возрастающей решительностью будут выступать против номенклатурной демократии и номенклатурного капитализма, против нового отчуждения. Их активность даст настоящую силу уже рожденным жизнью новым союзам, движениям, ассоциациям, способным на самом деле выражать их жизненные интересы. Противоборство этих двух демократий (номенклатурной и общегражданской), а не сотрудничество и сговор различных элит составит, на мой взгляд, главное содержание предстоящего этапа общественного развития.

Буртин. Новый экономический строй, основные черты которого, на мой взгляд, сложились в России, достаточно сильно отличается от того, которому он

пришел на смену. В то же время он имеет весьма мало общего и с тем, что не раз провозглашалось у нас в качестве цели антитоталитарной революции: развитое гражданское общество, высокоэффективная рыночная экономика, демократическое правовое государство. Ни по одному из перечисленных критериев наш новый строй, который я называю номенклатурным капитализмом, не приближается к указанному образцу и вообще, кажется, не имеет сколько-нибудь близких аналогов во всей предшествующей мировой истории.

Налицо результат перестройки (очень точное оказалось слово!) нашего прежнего режима. Система, при которой мы прожили большую часть своей жизни, была не сломана, а перестроена, она сохранилась, только как бы перевернулась на другой бок. При этом в ней многое изменилось, кое-что (устаревшее и мало-важное для нее самой) из нее ушло. Во-первых (и раньше всего), «отлетела», как пустая шелуха, старая официальная идеология, в которой правящий слой не испытывал большой нужды. Во-вторых, «рассыпалась» тоталитарная политическая система с КПСС и Советами, Госпланом и Госснабом, КГБ и цензурой. В-третьих, совершился переход к рынку. В-четвертых, произошли децентрализация государственной собственности и раздача ее в персональное владение тем, кто прежде лишь управлял ею в качестве государственных служащих. В результате на базе директорского корпуса и местной администрации у нас сформировалось чрезвычайно оригинальное явление — класс индивидуальных владельцев объектов государственной собственности.

Нынешний строй заключает в себе многое от нормального капитализма, в том числе свободный рынок (хотя и на монопольной основе), хозяйственную деятельность исключительно с целью извлечения прибыли, постепенно расширяющийся сектор частной собственности на средства производства, землю, недвижимость и прочее. Вместе с тем это принципиально иной строй, прямое продолжение нашего доперестроечного уклада.

Начать с того, что все рычаги государственного управления — как в центре, так в особенности и на местах — остались в руках прежнего аппарата, лишь слегка «разбавленного» новыми людьми (впрочем, быстро уподобившимися старым). И даже наш частный бизнес имеет сугубо аппаратную природу. Вот вполне типичный пример, относящийся к Липецкой области: бывший первый секретарь обкома В. Донских — генеральный директор акционерного общества; бывший первый секретарь горкома Е. Васильчиков — заместитель председателя правления акционерного банка; бывший управляющий делами обкома А. Негроров — совладелец частной фирмы; бывший секретарь Задонского района Н. Наумов — генеральный директор товарно-сырьевой биржи... Впрочем, движением из агитпропа в бизнес ныне никого не удивишь. А самое главное: осталась в сути своей неизменной основа общественных отношений реального социализма — система эксплуатации большинства населения правящим бюрократическим слоем. Только к прежнему — коллективному, корпоративному — способу такой эксплуатации прибавились новые, свобода же пользования ими стала почти безграничной.

Это общество, где средства производства, даже если они приватизированы, по-прежнему лишены заботливого и инициативного хозяина; где не поощряются трудолюбие и бережливость; где царят казнокрадство и коррупция; где безраздельно властвует чиновник, а рядовой человек перед ним по-прежнему абсолютно бесправен. Как и то, что было раньше, — это принципиально застойная структура, лишенная всяких ресурсов саморазвития. Спокойно, эволюционным путем перейти в нормальное современное постиндустриальное общество она не в состоянии, в то же время мягкую, бархатную революцию, наподобие той, что прокатилась по странам Восточной Европы, наш послеавгустовский режим сумел успешно предотвратить.

И вот эти-то новый застой и новую несправедливость нам предлагают рассматривать как нормальную жизнь! Этот-то псевдокапитализм, результат ограниченных, половинчатых реформ, проведенных за счет народа в пользу обновленной и «демократизировавшейся» номенклатуры, пытаются стабилизировать и освятить с помощью Договора об общественном согласии!

Ю. Афанасьев. Чтобы дискуссия была максимально плодотворной, важно нащупать точку отсчета, т. е. сформулировать наиболее значимые проблемы обсуждаемой темы. Одна из них — сущность устанавливающегося в России режима. Вторая — характер и сущность власти. Третья — что такое реформы, успешны ли они и какова их перспектива.

Мне лично очень близки идеи, высказанные в статьях Буртина и Водолазова. Они оригинальны и, может быть, впервые выносятся на суд читателей. (В чем-то аналогичные соображения, правда, приходилось высказывать и мне.)

Суть этих идей можно было бы определить так: в экономике утвердился номенклатурный капитализм, в политике — номенклатурная демократия. Это верно, но я бы считал нужным кое-что добавить к характеристике режима и властей.

Во-первых, следует вскрыть наиболее грубые, явные ошибки, которые были допущены властями за это время и в экономике, и в международной политике, и в формировании государственности России. К таким ошибкам относится, например, либерализация внешней торговли для частных предприятий. Она обернулась оттоком из России десятков миллиардов рублей. В данном случае государство и власть выступили в роли тех, кто спровоцировал отток капиталов и неслыханную коррупцию.

То, что сегодня называется приватизацией, является фактически узаконением раздела государственной собственности среди номенклатуры, который начался еще в эпоху Н. Хрущева и Л. Брежнева и который стал, по сути, основой современного режима. Следовало бы сказать и о компрадорском характере современной власти.

Что касается внешней политики, ее можно охарактеризовать в свете новой военной доктрины, ответив при этом на вопрос: обоснованна ли боязнь бывших республик, а также бывших соцстран в связи с той ролью, на которую претендует Россия в ближнем и дальнем зарубежье? Следовало бы обратить внимание на попытки России иногда военной силой, как это имеет место в Средней Азии, в Грузии, а иногда с помощью экономических рычагов вновь укрепить влияние России в бывших республиках.

Таким образом, то, что было проведено, заслуживает очень суровой критики. Собственно говоря, реформ, которые можно было бы назвать демократическими, пока в России нет. А что в перспективе? Мне кажется, сейчас организационно, политически оформляется лагерь, который находится у власти: русские нувориши и три «кита»-монополиста — военно-промышленный, аграрный и нефтегазовый комплексы. Одновременно идет формирование национал-социалистического фланга.

Из структурирующегося политического поля выпадает главное — срединная Россия. Как известно, на роль политических организаторов этой срединной России наиболее громко заявили себя Е. Гайдар, Г. Явлинский, С. Шахрай, отчасти Г. Попов. Но мне кажется, ничего у них не выйдет. И прежде всего потому, что ни у кого из них не поворачивается язык членораздельно сказать, что в России мы имеем ту власть, по отношению к которой люди, называющие себя демократами, могут быть только в оппозиции. Кроме того, все они или были замешаны, или продолжают оставаться в той самой политике, которую проводит эта власть. И претендовать на успех, скажем, Гайдару, совершенно бессмысленно. Будь выборы сегодня, Гайдар и его сторонники не набрали бы даже тех голосов, которые были у них в декабре 1993 года. Иными словами, срединную Россию еще предстоит завоевать, организовать, структурировать.

Что же в таком случае ожидает нас в ближайшем будущем? Наиболее вероятен национал-социалистический исход. Второй путь — еще большая фальсификация технологии политики России вообще и выборов в частности. Властям надо будет еще больше занижать количество голосов, собираемых В. Жириновским, еще больше фальсифицировать итоги опросов, референдумов, как это было до и во время принятия Конституции.

Уверен, что срединная Россия только в том случае проголосует за настоящие демократические преобразования, если в них поверит. Ну а пока половина наших

потенциальных единомышленников не голосовала, а часть из них отдавала свои бюллетени за Явлинского, за которым, увы, нет никакой реальной политической организации.

Работать на срединную Россию можно сегодня только вкупе с прессой. Сейчас же наиболее уважаемые мною газеты «Сегодня» и «Коммерсант-daily» говорят, что они не *против* и не *за* режим. И это подается, как величайшее достоинство. Они анализируют деятельность отдельных ветвей власти: парламента, правительства, суда, но никогда не рассматривают вкупе саму сущность режима, сердцевину власти, отношение к ней общества. Таким образом, они объективно — несмотря на свое желание быть ни «про», ни «контр» — остаются прорежимными.

По всему выходит, что нам еще предстоит создать ту среду, в которой свободно будет «вариться» всякое инакомыслие и инакодействие как основа действительно демократического режима.

Г. Бурбулис. 1994-й год, бесспорно, означает для меня как продолжение длительного переходного периода, так и начало нового этапа в его рамках.

Наше сегодняшнее состояние характеризуется двумя основными признаками. Во-первых, как бы мы внешне ни декларировали идею распада тоталитарной советской системы, мы до сих пор всерьез не задумывались о базовых закономерностях этого процесса.

В прошедшие- три года удалось сформулировать лишь некие особенности переходного периода, игнорировать которые не имеет права ни практикующий политик, ни тем более политик, ориентирующийся на некую идею и теоретическую систему. Однако ни закономерности переходного периода, ни его особенности не стали базой для выработки и принятия решений и тем более для согласования практических действий.

Во-вторых, до сих пор не оценена и не осознана — ни теоретически, ни практически — та принципиально новая реальность, которая возникла к концу 1993 года. Ее я вижу прежде всего в исчерпанности на первом этапе переходного периода тенденции распада тоталитарной системы в целом, всех ее базовых элементов и структур. Я настаиваю на том, что, несмотря на разные впечатления об итогах выборов, объективно, независимо от настроений, от убеждений и от политических интересов кого бы то ни было Россия перешла к качественно новому этапу, в основе которого лежит острая общественная потребность в стабилизации, предсказуемости, надежности.

Этап стабилизации предполагает принципиально новую систему ценностных ориентации. В данном случае исчерпаны в качестве доминирующих как обличительные идеологические и политические формы деятельности, так и какие-либо возможности конфронтационного политического стиля.

Важно, осознав эту новизну, честно и последовательно заняться уточнением основополагающих идей организационной перегруппировки и максимальной мобилизацией всех ресурсов, обеспечивающих стабильность и тем самым дающих реальную основу для развития преобразовательных процессов в экономике, политике и духовной сфере общества.

Я абсолютно не согласен с навязчивыми утверждениями о поражении демократов и не приемлю достаточно распространенный тип поведения некоторых демократических лидеров, которые сегодня в бессилии демонстрируют свое упадническое настроение, не видя ясной цели. Надо отдавать себе полный отчет в том, что цели демократического движения были и остаются ясными.

Вместе с тем жизнь заставила осознать, что демократ — не пожизненное звание и не почетная должность и что демократия — самый сложный способ общественного устройства и наиболее трудно выстраиваемый тип государственного управления и политической системы. Результатом предыдущих лет является именно снятие облегченного, романтического и в этом смысле дилетантского представления о легкой достижимости базовых либеральных ценностей.

Несовпадение объективных результатов с идеальными целями демдвижения является абсолютно естественным. Полученные результаты я оцениваю как неизбежные, и неверно было бы говорить сейчас о каких-то заблуждениях или ошибках демократического движения. Отсутствие внятной стратегии переходного периода, хорошо аргументированной концепции распада тоталитарных структур и в недрах этого распада формирования новых — вот главная причина, которая сегодня угнетает здоровую часть общества.

Я считаю, что тенденциозная оценка выборов как поражения демократических сил не соответствует действительности. Речь идет об исчерпанности «митингово-лозунгового» периода, и в этом смысле следует говорить не о падении авторитета демократов, а об объективной выработанности этого типа политического настроения демократически ориентированной части населения. На самом деле опасность состоит в отождествлении массовым сознанием демократических идеалов и демократических лидеров (в персональном плане) с экономическими либеральными преобразованиями, проводившимися чаще всего в политизированном виде и неизбежно в пафосной упаковке. Между тем, на мой взгляд, здесь возникает самый серьезный зазор между настроениями демократов и перспективой демократического движения в России.

Вернуть доверие масс нынешние политики, считающие себя демократами, могут только при одном условии: если они осознают, что сформировалась новая социальная база, представляющая, условно говоря, средние слои общества, абсолютно равнодушная к каким-либо идеологизированным и политизированным устремлениям, но вместе с тем коренным образом заинтересованная в либеральных ценностях и готовая утверждать их и поддерживать, но уже на основе прагматизма, деловитости, профессионализма.

Поэтому задача сегодня состоит в целенаправленной поддержке новых средних слоев, в передаче им нашего опыта и в содействии на этой основе формированию реального российского политического централизма, без которого абсолютно невозможно претендовать на продолжение демократических преобразований и на сохранение реформаторского курса в стране.

К моему большому сожалению, сложилась такая ситуация, когда реформы надо спасать от слишком ретивых реформаторов, а становящуюся российскую демократию — от слишком пафосных, лозунговых и митинговых демократов.

Нужно отдавать себе полный отчет в том, что взамен коммунистической догматики у нас сложилась не менее опасная реформаторская догматика. Поэтому перспективы демократического движения я вижу в честной и глубокой самооценке итогов трех лет, в выявлении признаков, характеризующих первый этап российской модернизации, и — на этой базе — в сознательной акцентировке всех наших усилий на развитие, поддержку и самовыявление прагматической централистской среды в российском обществе. Я считаю, в стране достаточно условий для обеспечения стабильности и на этой основе сохранения реформаторского курса.

Г. Явлинский. Почти за 80 лет мы создали могучую сверхмонополизированную экономическую систему. Она строилась для того, чтобы работать без денег, и была абсолютно мафиозна по своей сути. Слово «мафиозна» здесь, может быть, не очень подходит, но оно выражает в данном случае партийный способ управления всем. Поэтому и отношения в этой системе складывались специфические: на основе личных договоренностей, звонков и пр.

Второго января 1992 года мы вдруг объявили, что если теперь эту систему никто не контролирует, она сразу становится рыночной, или «либеральной», «свободной». Но борьба за подобную свободу этой системы шла с 1965 года. Она отражала идею советского директората о том, чтобы освободиться от всякого контроля. Это была борьба, если вы помните, за хозрасчет, самостоятельность предприятий, и длилась она почти 30 лет. Наконец, в 1992 году директора получили долгожданную свободу. Она стала основой реформы, которая заключалась

в возможности устанавливать любые цены и вообще делать все, что хочется. Существовавшая до этого мафиозная система была сначала немного поколеблена, а теперь она стала воспроизводить власть, ту систему, которой мы до сих пор никак не можем придумать название. Суть же ее могу проиллюстрировать конкретным примером.

В любом российском городе с населением 300, 400, 700 тыс. человек есть одна автобаза с директором, который владеет всеми автомобилями, а другой «директор» владеет всем бензином, третий еще чем-то. Между ними и поделена вся власть. На такой основе не могут вырасти ни политическая свобода, ни либеральная экономическая система, ибо либеральное — это всегда конкурентное. Но они и собственниками еще не являются. Они, употребляя математическую лексику, не играют игру с бесконечным горизонтом, они играют игру очень коротенькую, потому что совершенно не знают, что произойдет завтра. Поэтому у них самая главная задача — захватить как можно больше. Такова была объективная реальность, с которой мы начали реформы.

В чем же проблема реформ? Проблема вовсе не в том, что мы не нашли сразу ответов на все вопросы, а в том, что даже первые попытки (и правильные, и неправильные) к маю 1982 года уже остановились.

Наконец-то Е. Гайдар в газете «Известия» признал, что его реформы остановились в середине 1992 года. Это — самое важное признание, но я уточню: в мае 1992 года все было уже закончено. Именно тогда в правительство пришел В. Черномырдин.

Есть, на мой взгляд, как минимум три события, без ясности в которых разговор о демократии вообще бессмыслен. Это — август 91-го, октябрь 93-го и Конституция. Если в этих вопросах нет общественного контроля, никакой ясности, то нет у нас и никаких признаков демократии. Тем не менее одними из самых ярых противников того, чтобы разобраться в этих событиях, оказались именно демократы вместе с коммунистами.

А теперь я хотел бы остановиться на вопросе: что делать? Любопытная ситуация: вроде бы понятно, что нужно делать, но беда в том, что никто не хочет этого делать. Если диагноз, поставленный Буртинным и Водолазовым, правильный, и мы имеем некую номенклатурную демократию (хотя термин этот не вполне меня устраивает), этой системе уже не нужны никакие серьезные изменения и реформы. Если бы меня спросили, какой сейчас у нас момент, я бы ответил: типичный застой. Первая задача — реформирование базиса, который рождает существующий сегодня мафиозный, коррумпированный режим. Пути изменения режима связаны прежде всего с осуществлением комплекса простых и очевидных вещей — с демонополизацией, с установлением реальной конкуренции, с защитой частной собственности и права собственности, с реформированием земельных отношений.

Я столкнулся с этими проблемами в Нижнем Новгороде. Мы попробовали снять директора автозавода, поскольку из-за него половина жителей города останется просто без работы. Ельцин и Черномырдин нас поддержали, но директора так и не сняли, только отодвинули на вторую роль. Другой пример: решили приватизировать единственную на всю область автобазу. Ее директор распоряжается почти всеми грузовыми машинами в области. Он определяет все: цены на хлеб, политическую ситуацию, жизнь чиновников... Он говорит: «Приватизироваться? С удовольствием! Я ее покупаю! Сколько?». Нет, мы предлагаем другую схему: распродать машины и создать 100 автобаз, а часть машин отдать фермерам. А вот этого, говорит он, никогда не будет. И через три дня наше демократическое правительство на просьбу нас поддержать прислало ответ, в котором было написано, что эта автобаза — мобилизационный резерв на случай войны.

Хочу заверить всех экономистов: не может быть финансовой стабилизации до тех пор, пока экономика полностью монополизирована и отсутствует конкуренция. И если к тому же экономика является полугосударственной или, хуже

того, государственной, в этих условиях никакой стабилизации не получится. Нужно обязательно контролировать инфляцию так, чтобы она позволяла осуществлять реформы и структурную перестройку. Сколько на это понадобится лет? Не знаю. Надо начать делать, а тогда посмотрим. Проблема в том, чтобы найти отправную точку, стимул интереса у социальных и политических сил проводить действительные реформы.

Далее: не получится реформ из Москвы, сколько бы ни было президентских указов. Уже к середине мая 1994 года президент подписал 1000 указов — по 10 в день. Разве не ясно, что они не работают? Вот провели совещание в Чебоксарах под лозунгом: «Центр тяжести реформ переносится в регионы». Спрашивается: а где был центр тяжести реформ, кто нес эту ношу? Совещание провели, но опять ничего не изменилось. В Думу вносят проект бюджета, где самым суровым образом подавляются регионы. А отношение к предпринимательству? Знаете, сколько выделено на его поддержку? Ноль целых, одна тысячная процента! О каких реформах можно говорить! Где деньги на банкротство? Где деньги от приватизации? Где деньги на приватизацию? Тут реформы вообще никакой нет. И это считается нормальным!

Что после августа 91-го было сделано в части демократизации? Назовите хотя бы один шаг. Ничего! Неужели нужно что-то особенное придумать, чтобы наконец-то понять, если мы действительно хотим развивать демократию, должны как-то решать вопрос с многопартийной системой. Ведь сегодня все партии — это самые натуральные нелегалы. Нет закона о партиях, об общественных организациях, не решен вопрос их финансирования. Они могут «кормиться» только за счет коммерческих структур, что в результате делает их просто «угодливыми слугами» этих структур.

Дальше. Прессу прежде держали в строгом ошейнике. Теперь держат на поводке подачками. Не лучше ли вместо этого не брать с нее налоги, решить вопросы с арендой помещений, с основными фондами.

У нас стало неприлично говорить, что в демократической стране существует безработица, много нищих, бедных, обездоленных. Чего же мы стыдимся? Почему-то мы решили, что всю болезненность реформ должны отдать на откуп оппозиции, коммунистам. Мы же — великие реформаторы, и у нас все идет хорошо. Собственно поэтому и получили такие результаты выборов: Жириновского поддержали 10—12% избирателей. В общем-то это пустяки. Если бы в Германии, например, Жириновский стал говорить, что он выселит всех турок, его поддержало бы больше людей. Проблема в том, что люди вообще не желали прийти на выборы, они не захотели после октябрьской трагедии поддерживать эту власть. И если к 1996 году мы ничего не сделаем в этом направлении, я думаю, вполне реальна ситуация, когда кто-нибудь выйдет и скажет: поскольку выборы провести невозможно, я решил остаться навсегда...

Л. Пономарев. Суть проблемы заключается в том, каков сегодня баланс между идеализмом и прагматизмом в политике. Идеализм становится в значительной степени оружием нашей политической оппозиции. И это очень серьезно. Если мы вспомним, как возникло демократическое движение, увидим, что его корни — именно в политическом идеализме. Диссидентство формировалось на кухнях, не имея поначалу перспектив на победу. И те массовые демонстрации, которые были заклеены как митинговщина, — это тоже был политический идеализм. А потом уже началась реальная политика, состоялись выборы, появилась отнюдь не идеальная власть. Наши правители заняли кабинеты ЦК КПСС, отгородились от народа той же охраной, что была в прежние времена.

Летом 1992 года лидеры демдвижения поставили вопрос о том, что надо уходить в оппозицию к власти. Но большинство «Демроссии» от этого отказалось, считая, что в ситуации, когда уже проявилась реакционность Верховного Совета и власть может перейти к нему и к Съезду народных депутатов, демократические

силы должны поддерживать президента и правительство. Мы находились все время перед выбором: плохое или худшее?

И сегодня я не согласен с тем, что мы должны быть жесткой оппозицией власти, существующему режиму. Но и на волне поддержки этого режима мы можем не выиграть будущие выборы. Как найти здесь золотую середину — вот вопрос.

Перед выборами 12 декабря 1993 года мне казалось, что в демократическом движении доминирует идея объединения. В создававшийся блок «Выбор России» поначалу приглашались многие. Но нельзя не признать, что ни в преддверии выборов, ни после них не произошло объединения политической демократической элиты и низовых организаций. Ответственность за это я не снимаю ни с себя, ни с Гайдара как лидера блока «Выбор России».

Внутренняя борьба между теми, кто считает себя политическим демократическим истеблишментом, и низовым, массовым, движением привела к расколу блока, подорвала его авторитет в глазах избирателей. Фактически она привела к поражению демократических сил на выборах, хотя далеко не все это поражение признают.

Какова же перспектива? Я думаю, мы все равно обречены на то, чтобы договориться и создать демократический предвыборный блок. В сроках и активности мы уже проигрываем непримиримой оппозиции, которая имеет массовую поддержку, потому что объединяется. А когда в последний раз сидели вместе, за одним столом хотя бы лидеры тех блоков, которые представлены фракциями демократической направленности в парламенте?

Раскол, который сейчас идет в демдвижении, я считаю временным и предлагаю не ограничиваться только консультациями друг с другом демократических лидеров, а проводить совместные массовые акции. Наша главная стратегическая задача — объединиться перед выборами и выдвинуть единого кандидата в президенты, опираясь на мнение широкого круга избирателей. Необходимо проводить публичные открытые опросы общественного мнения, которые контролировались бы представителями разных демократических групп.

Е. Боннэр. Вернемся к тому, чем мы все время занимаемся,— установлению диагноза. Ищем ему более адекватное, более красивое, более умное, более широкое название (я вполне согласна с пафосом статьи Ю. Батурина и Г. Водолазова в «Известиях» и даже с Г. Явлинским). Но при этом, мне кажется, мы не замечаем, что живем в другом мире и другом обществе — не в том моноидейном и запуганном, пребывавшем «в инерции страха». Общество потеряло страх, хорошо это или плохо? Я думаю — хорошо. Для всех, для кого свобода является самоценностью, общество стало свободным. Но мы как будто не хотим этого видеть.

Например, мы получили возможность свободного выезда за границу, как это существует в любом государстве. Наша пресса свободна, даже, может быть, безответственна, но это факт. И я совсем не уверена, что какие-либо газеты, кроме официального вестника, должны поддерживать так или иначе государство.

Но никакое государство не должно поддерживать формирование многопартийного общества и партий. Они сами должны себя создать. И вот тут у меня ощущение, что мы ставим телегу впереди лошади. Гражданское общество — это не первый, а последующий этап развития, по которому, хотим мы того или нет, но идем, и даже идем экономически на уровне каждого человека. Вы знаете, что в этом году в Москве заказов на ремонт квартир больше, чем все предшествующие десятилетия. Я проехала от Москвы до Минска — никогда не было такого строительного бума. Что это означает? То, что общество живет. Именно с нижней структурной ячейки, которая называется «моя семья», «мой дом» и «моя крепость», и начинается гражданское общество, а не с чего-то другого.

Мне вообще кажется, разговор об экономическом спаде идет на уровне абсолютно неправильной статистики. Не потому, что ее заранее делают неправильной, а потому, что у нас все идет «налево», как раньше. У меня когда-то

был разговор с Н. Назарбаевым, и он очень гордо мне сказал: «У меня за это лето 60 тысяч частных домов построили». Я у него спрашиваю, а как же они их построили, если вы говорите, что нет строительных материалов, разорваны связи и т. д.? «За бутылку» — вот ответ президента Назарбаева. И я не хочу спрашивать: «за что» наша страна, наша Москва строится?

Демократия у нас или не демократия? Есть такие старые показатели, как, например, выборы, свобода митингов, собраний, свобода слова наконец. У нас этого — с лихвой. Значит, мы уже не та страна. Другое дело, что мы, российская интеллигенция, не можем ввести это в какое-то русло. Многие знакомы с отчетом по выборам. Давайте говорить откровенно — вовсе не В. Жириновский победил, а победили те, кому все равно, будет ли Жириновский, коммунисты или еще кто-то. Победила администрация, представителям которой надо было сесть в Думу или в Федеральное Собрание. А народ-то оказался вовсе не таков, про который сказал Ю. Карякин: «Россия, одурела ты что ли?». Россия не одурела.

Нам был предсказан голод, и в 1990 году мы делили эти жалкие гуманитарные посылки. Россия голодает? Нет. Откуда у нее берутся деньги? Мы говорим, что пенсионеры — несчастные люди. Много несчастных, нас лишили сбережений. Но мы совершенно забываем, что сельское население (значительная часть нашего народа) получало 23—28 руб. пенсии. Мы совершенно забываем, что пенсии не получали те, кто не работал, в основном женщины. Сегодня в нашей стране, как в Америке, пенсию получают все. Мы так многого не замечаем в пафосе, я бы сказала, фракционной борьбы, а с кем боремся — неизвестно.

И вот тут я вернусь к тому, что выборы — всегда выборы. Я думаю, даже американские свободные избиратели тоже с трудом делают выбор между Дж. Бушем и Б. Клинтонем. Так вот нам, демократам, тоже надо выбирать. Здесь очень важно как-то повлиять на механизм выборов. Прав Г. Явлинский, и я до сих пор считаю главной ошибкой новейшего времени не то, что мы в августе 91-го почили на лаврах, а то, что Конституцию, представленную ассамблеей, затем поправили чиновники и еще кто-то. В результате мы получили такой эрзац, какого, может быть, ни одно государство не имело.

Это вина наша, всех тех, кто согласился изменить форму Учредительного собрания и пойти на эту непонятную ассамблею. Но даже несмотря на все ошибки, в том числе и с ваучерами (возможно, в целом проводилась не та линия), мы живем в новой стране. И мы должны воспользоваться этой новой атмосферой свободы, чтобы суметь ее направить в либеральное русло, чтобы та свобода, которая дается в интеллектуальном и экономическом плане, пусть даже недостаточная, использовалась на благо человека. Мы этого не делаем. Я думаю, наша интеллигенция виновата в том, что почти три года нагнетала страх. Я вовсе не говорю, будто все, что делает власть, хорошо и надо это всегда принимать на «ура». Но просветительная работа необходима. Ее недостаточность — вина российской интеллигенции.

Е. Гайдар. Начну с самокритики. Одна из наших важнейших ошибок связана с политикой в сфере реформирования государственного аппарата. Осенью 1991 года государственный аппарат очень быстро стал разбегаться по коммерческим структурам, никто особо не жаждал идти в правительство. Мы с огромным трудом подбирали людей на ключевые роли министров и их замов. И хотя с самого начала провели довольно серьезную реорганизацию государственного аппарата, резко сократив число министерств и их штаты, мы очень хотели сохранить сильных и знающих профессионалов. Но они, повторяю, поспешно уходили от нас. Ситуация начала радикально меняться с весны 1992 года, когда стало ясно, что прогнозы о полной и неминуемой катастрофе не оправдались. Пошел бурный обратный процесс, люди возвращались даже на должности на два порядка ниже тех, что им предлагались осенью 1991 года. Началось мощнейшее давление на правительство по линии увеличения государственного аппарата. У меня не раз были трудные дискуссии с Р. Хасбулатовым и другими руководителями в связи с их предложениями по созданию новых форм государственного управления. И тогда мы,

учитывая, что ведем борьбу на многих фронтах (либерализация, приватизация, внешнеэкономическая деятельность), приняли решение на этом фронте немного отступить. Нужен комитет по торговле? Получайте. Потом как-нибудь разберемся.

На самом деле это, конечно, было очень серьезной ошибкой. Появляется новая структура — под нее выбиваются штаты и финансирование. И то, что сейчас государственный аппарат вновь приобрел огромные и безумные масштабы, стало в значительной степени результатом компромисса, на который мы пошли весной 1992 года.

Теперь я хотел бы перейти к более общим рассуждениям. Я вообще мало чего в жизни боюсь. Но когда в 1989—1990 годах я слышал, что обещают мои единомышленники-демократы сделать в этой стране для ее народа, мне, честно говоря, становилось страшно, потому что я все время думал: а кто будет отвечать за то, что выполнить невозможно (что было очевидно для всякого здравомыслящего человека)? А сейчас приходится отвечать на вопрос: почему не было сделано многое из того, что было обещано?

Давайте вспомним, что такое социализм в условиях нашей страны с социально-экономической точки зрения. Социализм — это набор инструментов, отключающих нормальные механизмы самоорганизации развивающегося гражданского общества (рынки, частную собственность, финансы, демократию, социальную структуру), подчиняющих все ресурсы страны иерархической системе управления, обеспечивающей на этой основе их масштабное перераспределение.

С течением времени выясняется, что эта новая социальная реальность, в которой как бы бульдозером проехали по всем социальным механизмам, вырастающим обычно в любом обществе на протяжении столетий, обладает набором неприятных свойств: структурной неповоротливостью, утраченной способностью инициировать инновации, низким качеством продукции, низкими стимулами к труду. Начинается постепенное и долгосрочное отставание от конкурентов, растет внешнеэкономическая зависимость, происходит накопление внешнего долга и т. д. В конце концов мы подходим к рубежу, когда этот набор становится недееспособным, а затем и рушится под напором общественного недовольства. Наступают разочарование, неверие в способность власти что-то сделать.

Это, собственно, и произошло в 1989—1991 годах, когда, с одной стороны, поднялась волна общественного недовольства («вы нам обещали, но не сделали»), а с другой — у самой правящей элиты появились сомнения в том, что она может что-то сделать. Власть была парализована животным ужасом перед социальными последствиями серьезных реформ и неизбежной социальной расплатой за них.

Когда говорят, что никто не видел необходимости социальной платы за реформы, я не смогу с этим согласиться. М. Горбачев прекрасно понимал ее неизбежность. Я хорошо помню, как в 1989—1990 годах, лишь только дело доходило до либерализации цен или даже до их повышения, Горбачев говорил, что вот этого не надо делать, это не понравится народу. Причем было абсолютно ясно, что без запуска рыночных механизмов и свободных цен все разговоры о каких-то реформах — просто издевательство. Все понимали, это будет бесполезно. Прощая элита потому и потеряла власть и развалила империю, что не могла решиться на реформы из-за их болезненности.

Возникает вопрос, можно ли после того, как развалилась та система, тот асфальт, который был положен вместо травы, немедленно, форсированно посеять и вырастить траву, которая должна здесь расти на протяжении предстоящих столетий? Возможно ли это в принципе? Земельная собственность, ставшая реальностью и давшая базу европейскому экономическому подъему второй половины нашего тысячелетия, у нас пока отсутствует. Нам нужно за полтора-два года построить систему, базирующуюся на принципе святости, незыблемости частной собственности. Это разрешимая задача. Мы радикально должны поменять всю систему социальной структуры общества. Это неизбежно.

Речь идет не о том, чтобы каким-то чудом из социалистической реальности сразу получить стабильную рыночную экономику, а о том, чтобы удержаться на узенькой тропинке и постепенно, шаг за шагом, все-таки довести высаженную траву до состояния стабильного роста.